

Александра Сергеевна ВИНОГРАДОВА / Alexandra VINOGRADOVA

| Клод Руа и Режиc Дебрэ: два примера французской политической автобиографии / Claude Roy and Régis Debray: Two Examples of French Political Autobiography |

Александра Сергеевна ВИНОГРАДОВА / Alexandra VINOGRADOVA

*Университет Руана, Нормандия, Франция
Аспирант Литературного факультета**University of Rouen, Normandy, France
Department of Literature, PhD Student
vinogradova-as@mail.ru***КЛОД РУА И РЕЖИС ДЕБРЭ: ДВА ПРИМЕРА ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АВТОБИОГРАФИИ**

В политической истории Франции XX века Коммунистическая партия (ФКП) играла не последнюю роль. Различные события в СССР и про-советских странах, как и некоторые другие причины, часто приводили к отдалению или полному отречению членов ФКП от коммунизма. Таким образом формировалось сообщество бывших французских коммунистов, добровольно вышедших или исключенных из ФКП. Немалую часть французских коммунистов составляли писатели, которые оставили после себя многочисленные эго-документы: мемуары, автобиографии, дневники, эссе. Среди этих сочинений авторов, имевших отношение к коммунизму, отдельное место занимают тексты экс-коммунистов, которым присущи некоторые общие свойства и которые можно обобщить понятием «самокритики». В статье изучаются отличительные черты этой литературной практики самокритики на примере двух политических автобиографий – Клода Руа и Режиc Дебрэ.

Ключевые слова: французская литература, политическая автобиография, эго-документы, коммунизм, самокритика, экс-коммунисты, Франция, Французская Коммунистическая Партия, Клод Руа, Режиc Дебрэ.

CLAUDE ROY AND RÉGIS DEBRAY: TWO EXAMPLES OF FRENCH POLITICAL AUTOBIOGRAPHY

The French Communist Party (PCF) has played a key role in the political history of France in the XXth century. Different events in the Soviet Union and pro-Soviet countries, and some other reasons, have often made the PCF members to take a distance or completely renounce communism. Thus, a community of former French communists was formed, who voluntarily decided to leave or were excluded from the PCF. Numerous ego-documents, such as memoirs, autobiographies, diaries, essays, are left behind by the writers represented a considerable part of the French communists. Among these works of the authors related to communism, a special place is occupied by the texts of ex-communists, which share certain common features and can be defined by a generalized concept of "self-criticism". The article deals with the distinctive features of this literary practice of self-criticism using two examples of political autobiography: Claude Roy and Régis Debray.

Key words: French literature, political autobiography, egodocuments, communism, self-criticism, ex-communists, France, French Communist Party, Claude Roy, Régis Debray.

Александра Сергеевна ВИНОГРАДОВА / Alexandra VINOGRADOVA

| Клод Руа и Режи Дебрэ: два примера французской политической автобиографии / Claude Roy and Régis Debray: Two Examples of French Political Autobiography |

Говоря о политической истории Франции XX века, невозможно не сказать о Французской Коммунистической Партии (ФКП), которая играла важную роль на европейской политической сцене, являясь (наряду с Итальянской Коммунистической Партией) крупнейшей коммунистической партией в западном мире. ФКП была основана в 1920 году и уже с самого начала своего существования привлекала в свои ряды многих свободомыслящих левых интеллектуалов, особенно писателей-сюрреалистов (например, Андре Бретона, Луи Арагона, Поля Элюара) и ученых в области общественных наук (Поля Низана, Анри Лефевра и др.). Однако в дальнейшем многие из них были исключены или сами вышли из ФКП. Принадлежность к коммунизму и накладываемые этой принадлежностью обязательства ставили перед французскими интеллектуалами левого толка вопрос об их приверженности советской идеологии и исповедованию этой политической веры. Различные события в СССР и просоветских странах часто вызывали у них сомнения в их верности ФКП, которые впоследствии приводили к отдалению или полному отречению от коммунизма.

До Второй мировой войны наблюдались лишь единичные случаи выхода из ФКП. В 1936 году, в преддверии Московских процессов, которые сигнализировали о начале массовых чисток, организованных сталинским режимом в СССР, Андре Бретон (был членом ФКП с 1927 года до исключения в 1933 году и последовавшего конфликта с Ильей Эренбургом на Международном конгрессе писателей в защиту культуры в 1935 году), Пьер Паскаль и другие писатели публично отреклись от коммунизма. Вслед за Московскими процессами договор о ненападении между Германией и Советским Союзом 1939 года ускорил разрыв Поля Низана с ФКП и окончательно отдалил Андре Мальро, известного соратника коммунизма, который стал одним из его главных противников вместе с Шарлем де Голлем.

Напротив, после 1946 года все больше французских коммунистов изменяли своим убеж-

дениям и наблюдались большие «волны» появления отступников, порвавших с коммунизмом, что привело к формированию стигматизированной фигуры «ренегата». Начало этому положили два судебных процесса, которые проследовали один за другим. В 1946 году невозвращенец Виктор Кравченко опубликовал в Нью-Йорке книгу «Я выбрал свободу»¹, которая описывала коллективизацию и голод в СССР и стала серьезным ударом по сталинскому режиму. Во Франции книга была издана 500-тысячным тиражом² как раз тогда, когда ФКП входила в состав правительства. Французская прокоммунистическая газета «Les Lettres françaises» обвинила Кравченко во лжи, а он в ответ подал на эту газету иск о клевете. Продолжительный судебный процесс³ проходил в 1949 году в Париже и был назван «процессом столетия» из-за своего масштаба: показания давали сотни свидетелей. Со стороны Кравченко выступали свидетели, пережившие советские лагеря, а со стороны коммунистов – такие знаменитости, как Фредерик Жюлио-Кюри и Жан-Поль Сартр. Однако Кравченко выиграл этот процесс.

В том же 1949 году французский писатель левого толка Давид Руссе, который в 1946 году получил литературную премию Ренодо⁴ за книгу «Концентрационный мир»⁵, обратился к бывшим узникам нацистских лагерей с предложением создать комиссию для инспекции советских лагерей. В результате ему удалось собрать достаточную

¹ Kravchenko V. I chose freedom: the personal and political life of a Soviet official. New York: C. Scribner's Sons, 1946. 496 p.

² Kravchenko V. J'ai choisi la liberté ! La vie publique et privée d'un haut fonctionnaire soviétique / traduit de l'américain par J. de Kerdélan. Paris : Self, 1947. 638 p.

³ Хронику скандально известного процесса см.: Берберова Н. Последние и первые. Дело Кравченко. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2000. 320 с.

⁴ Французская литературная премия Ренодо – своеобразное дополнение Гонкуровской премии, вручается с 1926 года в один день вместе с Гонкуровской: первый вторник ноября.

⁵ Rousset D. L'Univers concentrationnaire. Paris : Pavois, 1946. 190 p.

Александра Сергеевна ВИНОГРАДОВА / Alexandra VINOGRADOVA

| Клод Руа и Режи Дебрэ: два примера французской политической автобиографии / Claude Roy and Régis Debray: Two Examples of French Political Autobiography |

информацию для публикации разоблачающих очерков о сталинском режиме, после которых термин «ГУЛАГ» вошел в обиход французской прессы. Как и в случае Кравченко, Руссе за свои действия подвергся нападкам газеты «Les Lettres françaises», которая обвинила его в клевете. Писатель в ответ подал на газету в суд и в 1951 году также выиграл дело.

Несмотря на достаточно громкое освещение этих двух процессов, жизненные пути многих французских интеллектуалов XX века продолжали пересекаться с коммунизмом. Например, Маргерит Дюрас, Дионис Масколо и Робер Антельм, составлявшие на улице Сен-Бенуа одну из самых интеллектуальных ячеек Парижа, неизбежно должны были стать коммунистами, и коммунисты неизбежно должны были их отвергнуть⁶: Дюрас в 1944 году вступила в ФКП и была исключена в 1950 году, Масколо в 1946 году вступил в ФКП и вышел из нее в 1949 году, Антельм исключен из ФКП в 1956 году. Особенно стоит отметить события 1956 года, а именно XX съезд КПСС (на котором Хрущев осудил культ личности Сталина) и подавление Венгерского восстания, которые вместе с «Пражской весной» 1968 года спровоцировали две больших «волны» появления новых экс-коммунистов: Клод Руа, Доминик Десанти, Роже Вайян и многие другие писатели вышли из ФКП.

В последующие годы Франция, страна защиты прав и свобод, активно поддерживала советских диссидентов в 1960-х и 1970-х годах. Еще до появления термина «диссидент» многие французские писатели выступали за свободу слова в СССР и в 1957 году оказали поддержку Борису Пастернаку, подвергнувшемуся травле и гонениям со стороны советского правительства. Через несколько лет, как политическая интрига, заводится еще одно дело советского писателя: весной 1964 года поэта Иосифа Бродского выслали из Ленинграда как ту-

неядца и вскоре приговорили к пяти годам принудительного труда в отдаленной местности. По прошествии полутора лет, в сентябре 1965 года под давлением советской и мировой общественности (в частности, после письма⁷ Сартра к Анастасу Микояну, председателю Президиума Верховного Совета СССР, от 17 августа 1965 года) Бродского освободили, и он вернулся в Ленинград.

Но если Сартр, разделявший коммунистические взгляды, дал длинное интервью⁸ газете «L'Express» после ввода советских танков в Будапешт, в котором он радикально отрекся от ФКП, то Луи Арагон так никогда и не вышел из ФКП, хотя, начиная с 1960-х годов, он резко выступал против авторитаризма коммунистического режима в СССР и осуждал судебные процессы против советских писателей, в частности и процесс Синявского и Даниэля (1966). Похожие процессы происходили все чаще, и вскоре наступил черед Александра Солженицына: в 1969 году его исключили из Союза писателей СССР, затем лишили советского гражданства и выдворили из СССР в феврале 1974 года. Незадолго до этого, в мае 1973 года Пьер Декс издает книгу «Что я знаю о Солженицыне»⁹, в которой он признает некоторые ошибки коммунистического режима, но уже после выхода первого тома «Архипелага ГУЛАГ»¹⁰, который был опубликован на русском языке в Париже в декабре 1973 года издательством «ИМКА-Пресс», Декс покидает ФКП. Итак, все эти многочисленные события помогли открыть глаза многим французам, в том числе и писателям-коммунистам, на подлинный характер советского режима.

⁷ Подробнее см.: Бабич Д. История письма Сартра в защиту Иосифа Бродского // Комсомольская правда. 19 декабря 1992 г. С. 22.

⁸ Sartre J.-P. Après Budapest, Sartre parle // L'Express. 9 novembre 1956. P. 13–16.

⁹ Daix P. Ce que je sais de Soljénitsyne. Paris : Seuil, 1973. 228 p.

¹⁰ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования, 1918–1956. Т. 1. Paris : YMCA-Press, 1973. 607 с.

⁶ Про Дюрас и ФКП см.: Жосслен Ж.-Ф. Правда о Дюрас / пер. М. Злобиной // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 67–71.

Александра Сергеевна ВИНОГРАДОВА / Alexandra VINOGRADOVA

| Клод Руа и Режи Дебрэ: два примера французской политической автобиографии / Claude Roy and Régis Debray: Two Examples of French Political Autobiography |

Сомнения, которые постепенно накапливались у левых интеллектуалов, привели не только к их разрыву с ФКП, но и к публикациям многочисленных автобиографических сочинений французских экс-коммунистов: мемуаров, автобиографий, дневников, эссе, статей. Всем, кто добровольно или принудительно покидал коммунистический мир, часто приходилось признавать свои прежние ошибки и раскрывать их причины. Таким образом, развивалась литературная практика самокритики, у истоков которой стояла практика, навязываемая коммунистическими партиями своим членам или даже руководителям в форме автобиографических вопросников, очерков или выступлений. Самокритика коммунистов служила средством управления и предоставляла компартиям биографическую модель, позволявшую взамен выявить отступников и изменников, которые впоследствии осуждались. Количество бывших коммунистов во Франции быстро увеличивалось, и они постепенно адаптировали эту институционально навязываемую практику в свою пользу, извлекли из нее когнитивные и литературные ресурсы для объяснения своего идеологического пути, анализа прошлой политической приверженности и оправдания своего разрыва с коммунизмом.

Многочисленные воспоминания писателей, в прошлом имевших отношение к коммунизму, позволяют выявить связность этой формы автобиографического повествования. Эго-документам бывших коммунистов присущи некоторые общие свойства: во-первых, авторы выражают неодобрение совершенным ими поступкам; во-вторых, в текстах четко прослеживается фиксированная модель самоанализа – самокритика; и наконец, писатели пытаются сформулировать причины и обстоятельства их идеологического отдаления или разрыва с коммунизмом. Не стоит думать, что лишь экс-коммунисты публиковали свои мемуары и автобиографии. Многие коммунисты также обращались к этому жанру, чтобы написать свою собственную «историю», которая позволяла Партии предложить ей образ прошлого (следы этого «перепи-

сывания» истории можно найти в работах историков-коммунистов, в официальных учебниках компартий, на отретушированных фотографиях и т.д.). Но эта игра в прятки с историей должна была однажды обратиться и против самих компартий: прошлое стало объектом «мемориального» соревнования между коммунистами и их противниками¹¹. Пропагандистским мемуарам верных Партии коммунистов, в первые ряды которых можно поставить «Сына народа»¹² Мориса Тореза, противостояли автобиографические сочинения экс-коммунистов. Против ложных показаний компартий свидетелями выступали раскаявшиеся бывшие коммунисты, которым больше не приходилось слепо следовать указаниям Партии. Как следствие, «истинный коммунист может писать только ложные воспоминания, и наоборот. Если же чьи-то мемуары захватывающие, откровенные, не до конца проработанные – одним словом правдивые – то, конечно же, речь идет об анти- или экс-коммунистах»¹³.

Но если коммунисту сложно писать воспоминания за пределами той памяти, которая навязывалась Партией, действительно ли бывшие коммунисты смогли быть более объективными в своих автобиографиях? Пытаясь найти ответ на этот вопрос, в данной работе будут рассмотрены лишь два примера политической автобиографии следующих французских писателей левого толка: Клода Руа и Режи Дебрэ. Эго-документы экс-коммунистов до сих пор в значительной степени игнорировались учеными, поскольку считались слишком историческими или идеологическими, но их список достаточно обширен. Сам Руа отдавал себе отчет в том, что «полицейские архивы и секретные ящики част-

¹¹ Подробнее см.: Jeannelle J.-L. *Écrire ses mémoires au XXe siècle : déclin et renouveau*. Paris : Gallimard, 2008. P. 136–139.

¹² Торез М. *Сын народа*. М.: Издательство иностранной литературы, 1950. 206 с.

¹³ Debray R. *Les Rendez-Vous manqués. Pour Pierre Goldman*. Paris : Seuil, 1975. P. 22. (Здесь и далее перевод автора с фр.).

Александра Сергеевна ВИНОГРАДОВА / Alexandra VINOGRADOVA

| Клод Руа и Режи Дебрэ: два примера французской политической автобиографии / Claude Roy and Régis Debray: Two Examples of French Political Autobiography |

ных владельцев в Москве, Пекине, Тиране, Афинах, Праге и Сантьяго должны быть заполнены мемуарами [...]. Мы даже начинаем некоторые из них публиковать. Говорят, что правда всегда восторжествует. Но ей на это часто требуется время. А правда, которой оперативно, эффективно и методично сворачивали шею, никогда не восторжествует. История пишется победителями. И официальной памятью заведуют те, кто у власти»¹⁴.

Руа в молодости разделял правые взгляды, но во время Второй мировой войны сблизился с коммунистами и в 1943 году вступил в ФКП. Ввод советских войск в Будапешт в 1956 году заставил его порвать с линией Партии, и вместе с Сартром и Вайяном он выразил свой протест. В 1958 году Руа был официально исключен из ФКП. Именно Клод Руа в 1968 году освещает во французской прессе публикацию на Западе «В круге первом»¹⁵ Солженицына, а в 1974 году – «Архипелага ГУЛАГ»¹⁶ на французском языке. В 1981 году его размышления о способности идеологий ослеплять людей повлекли за собой написание книги «Искатели богов: вера и политика»¹⁷, в которой он анализирует склонность людей проявлять настоящую веру в кого-то или что-то и применяет свой анализ к «религии», имя которой – коммунизм.

Если говорить о биографии Режи Дебрэ, то следует упомянуть, что он никогда не состоял в ФКП, но с 1960 по 1965 год, в года учебы в Высшей нормальной школе в Париже, Дебрэ принимал активное участие в Союзе студентов-коммунистов. В 1961 году Дебрэ посетил Кубу, в 1963 году – Венесуэлу. В 1965 году он уехал на Кубу, а затем был

соратником Че Гевары в Боливии. В 1967 году Дебрэ арестован боливийскими властями и осужден на тридцать лет тюремного заключения. Однако он провел в тюрьме только четыре года, так как была развернута мощная международная компания за его освобождение, в которой участвовали французское министерство иностранных дел, Сартр, Мальро, де Голль и др. Дебрэ амнистирован и освобожден в 1970 году. После освобождения он жил в Чили, в 1973 году вернулся во Францию. Политический разрыв Дебрэ с кубинским режимом произошел в 1989 году после процесса над его другом, полковником милиции Антонио де ла Гуардиа и армейским генералом Арнальдо Очоа, которые были признаны виновными в контрабанде наркотиков и казнены. Эти события часто рассматриваются как повторение на Кубе Московских процессов.

Руа написал три книги автобиографической прозы: «Я»¹⁸ (1969), «Мы»¹⁹ (1972), «В целом»²⁰ (1976). Первая и третья книги его трилогии – это подробная анатомия эпохи, о которой свидетельствует писатель, во всех ее разнообразных аспектах: моральном, литературном, историческом. Тексты-автобиографии Дебре, в свою очередь, также разрослись в трехтомное собрание с общим названием «Время учиться жить»: «Маски»²¹ (1987), «Слава нашим господам»²² (1996), «Ради любви к искусству»²³ (1998). Повествование первой автобиографической книги Дебрэ строится вокруг его частной, личной жизни как антитезы общественной, публичной. А «Ради любви к искусству» – это история интеллектуала, который пытается понять, на чем строится его карьера и держатся его устои.

¹⁴ Roy C. *Les Chercheurs de dieux. Croyance et politique*. Paris : Gallimard, 1981. P. 177.

¹⁵ Solzhenitsyn A.I. *The first circle* / translated from the Russian by T.P. Whitney. New York: Harper & Row, 1968. 580 p.

¹⁶ Soljénitsyne A. *L'Archipel du Goulag : 1918-1956, essai d'investigation littéraire* / traduit du russe par J. Lafond, J. Johannet, R. Marichal, S. Oswald, et. al. Paris : Seuil, 1974. 446 p.

¹⁷ Roy C. *Les Chercheurs de dieux. Croyance et politique*. Paris : Gallimard, 1981. 304 p.

¹⁸ Roy C. *Moi je*. Paris : Gallimard, 1969. 484 p.

¹⁹ Roy C. *Nous*. Paris : Gallimard, 1972. 572 p.

²⁰ Roy C. *Somme toute*. Paris : Gallimard, 1976. 464 p.

²¹ Debray R. *Les Masques : Une éducation amoureuse. Le temps d'apprendre à vivre I*. Paris : Gallimard, 1987. 288 p.

²² Debray R. *Loués soient nos seigneurs : Une éducation politique. Le temps d'apprendre à vivre II*. Paris : Gallimard, 1996. 608 p.

²³ Debray R. *Par amour de l'art : Une éducation intellectuelle. Le temps d'apprendre à vivre III*. Paris : Gallimard, 1998. 480 p.

Александра Сергеевна ВИНОГРАДОВА / Alexandra VINOGRADOVA

| Клод Руа и Режи Дебрэ: два примера французской политической автобиографии / Claude Roy and Régis Debray: Two Examples of French Political Autobiography |

Если у всех автобиографий в основе лежит общая идея – жизнь их автора, то в названиях автобиографических книг писатели могут предпочесть выделить некоторый аспект своей жизни²⁴. Именно так и делали многие автобиографы XX века, в том числе и Дебрэ, который для всех своих трех книг выбрал иронические подзаголовки: «Любовное воспитание» для «Масок», «Политическое воспитание» для «Славы нашим господам», «Интеллектуальное воспитание» для «Ради любви к искусству»; и нельзя в этом не увидеть аллюзии на «Сентиментальное воспитание» Гюстава Флобера. В свою очередь, Руа с каждой новой книгой своей автобиографии придумывал новый стиль повествования и построил названия своей трилогии на игре слов: после калейдоскопа событий и героев в первой книге «Я», после откровений в «Мы», третья книга «В целом» (если переводить дословно с французского: «Вся сумма»), на самом деле, представляет собой всю совокупность различных жанров, с помощью которых Руа повествует о своей жизни: свидетельства, признания, дневники, документы, портреты, стихотворения и размышления.

Для своей политической автобиографии оба автора выбрали вторые по хронологии книги в своих трилогиях. Именно об этих двух книгах, «Мы» Руа и «Слава нашим господам» Дебрэ, которые представляют собой автобиографическое повествование об эволюции политической приверженности коммунизму, далее и пойдет речь. Оба писателя задавали себе один и тот же вопрос: как рассказать историю идеологического путешествия длиной в жизнь, когда все, за что они долгое время боролись, не имеет больше никакого значения, стало непонятным и даже похожим на своеобразное коллективное безумие? Анализ политических автобиографий Руа и Дебрэ позволяет проследить, как проявляется самокритика в литературной практике бывших коммунистов, и подробно рассмот-

реть, как авторы повествуют о своей политической судьбе.

В «Мы» Руа свидетельствует, помимо прочего, о самых темных годах сталинизма, которые оставили без надежды отчаявшихся людей, нашедших в социализме во время войны повод для жизни. Писатель рассказывает о «великой шизофрении XX века»²⁵, которая рушила судьбы отдельных людей и целых стран, ломала их, убивала даже мысль о том, что они могут быть счастливыми. Автор предстает перед нами человеком, способным признать свои ошибки, не отрицая и не принижая свое прошлое; человеком, который изначально поверил в щедрую утопию коммунизма, прежде чем понял, что она породила чудовищную диктатуру: «Когда я пересматриваю десять лет 1946-1956 годов, я иногда думаю, что лучшие годы моей жизни прошли не только в абсурдной и бесполезной борьбе, но и в долгом кризисе: общественной и личной шизофрении. В последние годы я частично пытался объяснить *новоприбывшим*, что им лучше не начинать сначала. Лучше попробовать сделать немного иначе»²⁶. Эта книга помогает понять, мужество какой силы было у тех людей, которые смогли решительно оставить порочную, по их мнению, дорогу навстречу коммунизму, не отрицая, что они сами когда-то об нем мечтали и его любили: «Единственная верная тюрьма – это тюрьма, построенная нами самими: мы построили стены по мере своих сил, возвели их, чтобы проверить на прочность свою верность. Но когда человек сам себе тюремщик и хранитель ключей, рана и нож, то нужно постоянно удваивать охрану: мы всегда один на один с собой, забились в уголке, враждебны и готовы ко всему, мы лукавые соучастники своего собственного побега. И тогда наименее безопасная тюрьма – это та, которую мы создали сами»²⁷. И наконец, «Мы» – это также ослепительно яркая портретная галерея: Поля

²⁴ Подробнее про выбор названий см.: Simonet-Tenant F. (dir.) Dictionnaire de l'autobiographie. Écritures de soi de langue française. Paris : Honoré Champion, 2017. P. 782–783.

²⁵ Roy C. Nous. Paris : Gallimard, 1980. P. 393.

²⁶ Roy C. Nous. P. 396.

²⁷ Roy C. Nous. P. 455.

Александра Сергеевна ВИНОГРАДОВА / Alexandra VINOGRADOVA

| Клод Руа и Режи Дебрэ: два примера французской политической автобиографии / Claude Roy and Régis Debray: Two Examples of French Political Autobiography |

Элюара, Элио Витторини, Роже Вайяна, Чжао Уцзи, Пабло Пикассо, Ильи Эренбурга, Луи Арагона, и многих других.

«Слава нашим господам» Дебрэ – длинная литания политического разочарования. Писатель, чья политическая жизнь началась в начале 1960-х годов, начинает свою автобиографию с фразы: «Я ненавижу общественную жизнь и политиков»²⁸. В книге, в первую очередь, обсуждается психология политической страсти. Не осуждая, не сводя счеты, но вспоминая свой личный путь, Дебрэ, не без юмора, пытается тщательно разобраться в этих странных эмоциональных механизмах души, которые заставляют стать приверженцем, а затем порвать с коммунизмом, и к тому же быть обманутым. Автор делится с читателем мыслями, которые пришли к нему после долгих лет активного участия в кубинской революции и партизанской войне в Боливии, благодаря чему у читателя появляется уникальная возможность получить внутреннее, интимное видение тех событий. Помимо всего, нельзя не наслаждаться страницами, на которых Дебрэ рисует портреты своих идеологических наставников: Луи Альтюссера, Фиделя Кастро, Эрнесто Че Гевары.

Отдаление от коммунизма подразумевало некоторую социальную дистанцию, определенную политическую психологию. Разрыв с идеологией, разделяемой в течение долгого периода времени, не отделим от внутреннего кризиса, в некоторых случаях он даже приводил к самоубийствам. В «Славе нашим господам» Дебрэ задается вопросом, почему так мало писателей посвятили свои романы одной из самых сильных страстей XX века – политике²⁹: «Среди самоубийств и преступлений на

²⁸ Debray R. *Loués soient nos seigneurs : Une éducation politique*. Paris : Gallimard, 2000. P. 13.

²⁹ Подробнее см.: Jeannelle J.-L. *Les « récits de désaveu » ou comment faire son autocritique de manière critique ? // « Moi public » et « moi privé » dans les Mémoires et les écrits autobiographiques du XVIIe siècle à nos jours / édité par R. Wintermeyer, en collaboration avec C. Bouillot. Rouen : Publications des universités de Rouen et du Havre (PURH), 2008. P. 273–284.*

почве страсти любовная страсть приносит по несколько сотен смертей в год; в гражданских и международных войнах политическая страсть в среднем приносит сотни тысяч смертей в год, и десятки миллионов – на полях сражений. Но если соотношение «опасности» составляет один к тысяче, то соотношение книг в библиотеках – тысяча к одному. Мы знаем в тысячу раз лучше движущие силы «исключительной сексуальной любви», чем исключительной приверженности некоторой цели или лидеру. А как насчет выживших? Когда я пишу эти строки, на нашей Земле есть миллионы стареющих Сванов, имена чьих Одетт³⁰ на востоке были Сталин, Мао или Тито, на юге – Фидель Кастро, Мобуту или Санкара, и на западе – Миттеран, мадам Тэтчер или Никсон. Ни один Пруст не хочет заниматься ими, поскольку государственные дела не заслуживают внимания микрохирургов печали»³¹. Зная политическую историю XX века, сложно поспорить с этими подсчетами Дебрэ. Писатель отдельно вспоминает своих политических наставников, которые «сами решили убить себя морально [...] Альтюссер заканчивает свои дни убийцей; Кастро – тираном; Миттеран – своей смертью»³². Длинный список жертв коммунизма продолжает Клод Руа, вспоминая своих друзей из журнала «Action», исключенных из ФКП или разочаровавшихся в коммунизме: «– Куртад? Мертв и разочарован. – Пьер Эрве? – Исключен. – Роже Вайян? – Потерял интерес, разочарован. Мертв. – Эдгар Морен? – Исключен. – Жак-Франсис Роллан? – Исключен. – Жан Пронто? – Исключен. – Ледюк? – Исключен»³³. Но понимая, что у этой бесконечной вереницы имен нет конца, что виновных найти не получится, ведь и он сам, и его друзья сами когда-то были одними из самых рьяных приверженцев коммунизма, Руа останавливает себя риторическим

³⁰ Дебрэ делает аллюзию на героев цикла романов Марселя Пруста «В поисках утраченного времени».

³¹ Debray R. *Loués soient nos seigneurs*. P. 19.

³² Debray R. *Loués soient nos seigneurs*. P. 286.

³³ Roy C. *Nous*. P. 130.

Александра Сергеевна ВИНОГРАДОВА / Alexandra VINOGRADOVA

| Клод Руа и Режи Дебрэ: два примера французской политической автобиографии / Claude Roy and Régis Debray: Two Examples of French Political Autobiography |

вопросом: «Но на кого ты осмеливаешься жаловаться, товарищ?»³⁴

В своей автобиографии Дебрэ стремится восстановить логику политических путей и выявить общее бессознательное, присущее героям мира политики. Он пытается понять, какая необходимость связывает людей с политической верой, особенно в случае чрезмерного культа личности Сталина у коммунистов, тем более, что «риторический отказ от культа личности не привел к его политическому исчезновению ни в мире вообще, ни в мире «социалистическом» в частности (где еще неизвестно, продвинулся ли этот вопрос значительно вперед со времен XX съезда или же назад)»³⁵. При этом, как и многие бывшие коммунисты, Дебрэ себя защищает, главным образом, оправдываясь в том, что он «несет ответственность, но не виновен»³⁶. Еще до Дебрэ Клод Руа исследовал отношения между верой и политикой на примере своей жизненной истории. Глядя на французских коммунистов, которых постоянно исключали или которые сами выходили из ФПК, Руа удивляется, почему «потеря доверия к существующему коммунизму не препятствует новым верующим в него верить»³⁷. В поисках ответа на этот вопрос Руа исследует механизмы, с помощью которых коммунистическая «религия» создавала ощущение уверенности у своих верующих и порождала слепую веру, мешавшую критическому восприятию реальности.

В случае обоих писателей, Дебрэ и Руа, необходимо обратить внимание на особенности и сходства их повествования. Стараясь отдалиться или даже отречься от своей прежней политической принадлежности, авторы пытались как можно дальше дистанцироваться в своем повествовании. «Я» рассказчика дублируется в местоимениях

«мы» или «он» («экс»), под которыми скрывается силуэт коммунистического поколения: «Наши старания исчезают в тумане, как если бы идеи-силы, ради которых мы себя истратили, без следа испарились в природе. [...] Это тот момент, когда экс обвиняет себя в том, что он не смог удержать дистанцию со вчерашним днем (но сделали бы мы то, что так никогда и не сделали). [...] можем ли мы перечитывать речи, листовки, программы и слова, в которые мы верили, когда мы сами их не писали, и при этом не находить в них те очевидные достоверные доказательства, которые, исчезая за линией горизонта, превращают эти черно-белые улики в призрачные айсберги, между мечтой и кошмаром»³⁸. Таким способом Дебрэ совершает некоторого рода трансфер своего «я» на коммунистическое сообщество.

Более того, Руа отмечает, что многие коммунисты аналогично использовали местоимения первого лица. Например, говоря о своей подруге, бывшей коммунистке, автор пишет: «когда она говорит: у нас, она говорит о коммунистическом движении, хотя она к нему формально больше не имеет отношения»³⁹. В текстах Дебрэ и Руа можно также найти и необычное восприятие времени и хронологии событий. «Если мы говорим: в 45, в 48, в 53, в 56, это прошлое. Наше прошлое»⁴⁰, – говорит Руа, который начал отдаляться от ФКП как раз в 1956 году, который разделил его жизнь на прошлое и настоящее. Говоря об истории своей жизни, а именно, о жизни, которая представляет собой непрерывное отвержение, писатель это делает не в обычном хронологическом порядке, начиная с рождения, а ставит на первый план совсем другой жизненный опыт: «И что сказал бы Автор, если бы я рассказал его историю наоборот, перевернул бы холст, который он считал *моей* историей? Если бы я рассмотрел историю с другого конца? Тогда бы я начал со взрослого человека, исключенного из

³⁴ Roy C. Nous. P. 130.

³⁵ Debray R. Critique de la raison politique ou l'inconscient religieux. Paris : Gallimard, 1987. P. 18.

³⁶ Debray R. Loués soient nos seigneurs. P. 20.

³⁷ Roy C. Les Chercheurs de dieux. Croyance et politique. P. 17.

³⁸ Debray R. Loués soient nos seigneurs. P. 73-74.

³⁹ Roy C. Nous. P. 102.

⁴⁰ Roy C. Nous. P. 98.

Александра Сергеевна ВИНОГРАДОВА / Alexandra VINOGRADOVA

| Клод Руа и Режи Дебрэ: два примера французской политической автобиографии / Claude Roy and Régis Debray: Two Examples of French Political Autobiography |

Коммунистической партии. Затем бы с ребенка, исключенного из интерната, чтобы быть возвращенным в семью. И затем с младенца, исключенного из жизни, чтобы быть возвращенным в утробу матери»⁴¹.

Также в повествовании обоих писателей заметна разница в употреблении времен глаголов, в особенности, до и после разрыва с коммунизмом. Вот таким интересным образом с помощью антитезы Дебрэ решил представиться читателю: «Революционер и литератор, ангора и боксер: два животных из одной и той же городской фауны, из одного и того же кондоминиума, вскоре впавшие в немилость (электронно-лучевая трубка и обесценивание политики, делающие сразу два *has been*)»⁴². Помимо прочего, бывшие коммунисты вводят в свое повествование стереотипную речь, которая ранее им навязывалась Партией. Например, лексические повторы различного вида широко использовались для придания экспрессивности текстам и речам коммунистов. Даже в своей прощальной речи, произнесенной Руа в 1958 году на собрании ФКП по случаю его окончательного исключения, уже бывший коммунист все так же прибегает к анафоре: «Пришел час, когда глупости будут исправлены. Пришел час, когда вместо презрения

масс наступит доверие к мудрости и мужеству народа. Пришел час, когда обман и ложь уступят место правде. Итак, пришел час, когда преступления, к сожалению, непоправимые, трагически разоблачены, откровенно осуждены и торжественно отвергнуты. Пришел час, когда мы, наконец, перестанем быть коммунистами *вопреки*, но когда мы сможем ими быть, *потому что...*»⁴³

Подводя итоги, следует отметить, что в политических автобиографиях Руа и Дебрэ, а также в многочисленных эго-документах французских экс-коммунистов, их авторы прослеживают эволюцию своих политических взглядов и пытаются объяснить свой разрыв с коммунизмом. Анализ изменений, происходивших с французскими коммунистами до и после такого разрыва, позволяет лучше понять процесс формирования сообщества бывших коммунистов, многие из которых по-прежнему играют важные роли в политической и интеллектуальной жизни Франции. В своих эго-документах экс-коммунисты разъясняют социологические, психологические и исторические причины и обстоятельства, которые ослепили целое поколение левых интеллектуалов во Франции, поверивших в коммунистическую утопию.

⁴¹ Roy C. Nous. P. 340–341.

⁴² Debray R. Loués soient nos seigneurs. P. 129.

⁴³ Roy C. Nous. P. 560–561.

